

© 2025 В. Г. Мизин
Санкт-Петербург, Россия

ЧАШЕЧНЫЕ КАМНИ: ЭКСПЕРИМЕНТ, РЕКОНСТРУКЦИЯ РИТУАЛА, МИФОЛОГИЧЕСКИЙ ОБРАЗ

Аннотация. В статье, основанной на результатах исследований автора, рассматриваются проблемные моменты, связанные с чашечными камнями в южной Фенноскандии, исследование которых позволяет сформулировать ряд объективных критериев для предположений о назначении чащевидных углублений на валунах в данном регионе. Приводятся результаты реконструкции технологии изготовления чашечных углублений, на базе которой обосновываются новая концепция использования чашечных камней, их значение и возможная связь с карело-финской мифологией и магическим мировоззрением населения эпохи железного века в Восточно-Балтийском регионе.

Ключевые слова: чашечные камни, мифология, агрокультура железного века, Сампо, Калевала.

Ссылка при цитировании: Мизин В. Г. Чашечные камни: эксперимент, реконструкция ритуала, мифологический образ // Традиции и современность. 2025. № 42. С. 79–98

Мизин Вячеслав Григорьевич (Mizin Vyacheslav Grigorievich) – независимый исследователь, эл. почта: vyacheslavmizinspb@gmail.com

Научный православный журнал «Традиции и современность». 2025. № 42. С. 79–98

ISSN 2687-1122; ISSN 2687-119X || <http://naukapravoslavie.ru>

УДК – 930.85, 398.1, 903.61; ББК – 63.51; <https://doi.org/10.33876/2687-119X/2025-42/79-98>

Что мы знаем о чашечных камнях?

Валуны с чашевидными углублениями, называемые в англоязычной литературе *cup-marked stones*, широко распространены в Балтийском регионе, включая Финляндию, Эстонию и Ленинградскую обл. России. «Чашки» на камнях пред-

Типичное чашевидное углубление на камнях.

Чашечник у д. Кривко Приозерского р-на Ленинградской обл.
Фото автора. 2021 г.

ставляют собой рукотворные углубления глубиной 0,5–3 см и диаметром 5–10 см. О назначении этих памятников прошлого существует множество самых разнообразных гипотез – культ предков; культы, связанные с плодородием; астрономическая версия и т. д. Но ни одна из них не в состоянии объяснить всю совокупность известных о чашечных камнях фактов, поскольку обычно они строятся не от их сопоставления, а являются внешней позицией по отношению к исследуемому объекту. Перечислим факты о чашечных камнях, требующие взаимосвязанного и непротиворечивого объяснения.

1. Чашечные камни располагаются на полях или вблизи полей. Все исследователи подтверждают привязку камней с чашевидными углублениями к полям и земледелию – в Беларуси (*Карабанаў і інш.* 2022: 214–240; Зайцев 2019: 168–187), Латвии (Цепитис, Якубенока 2018: 163–193), Литве (*Вайткявичюс* 2018: 194–213), Эстонии (*Tvaauri* 1999: 113–169), России (*Мизин* 2019: 41–49; 2021: 15–22). На данный момент в Восточно-Балтийском регионе связь чашечных камней с земледелием не вызывает сомнений.

2. Чашечные камни бывают как «стационарными» (большие природные валуны на полях), так и «портативными» (небольшими, легко переносимыми камнями с идентичными чашевидными углублениями). Вторая категория является менее изученной, в работе Я. Цепитиса и Л. Якубеноки о них есть следующие строки: «Два портативных камня с ямками хранятся в коллекции Э. Каша, хозяина усадьбы Эзерличи. Камни найдены на территории его хозяйства. Исключительно интересным является один из них, поскольку этот камень имеет форму правильного тетраэдра, на каждой грани имеющий одну ямку. Вблизи имения Стукмани в яблоневом саду на сравнительно небольшой территории найдено целых шесть портативных камней с ямками. Четыре из них с двумя ямками на противоположных сторонах камня, на двух камнях по одной ямке. Неподалеку от места находок находится городище эпохи раннего металла Винакалнс «Винная гора». Сейчас эти камни экспонированы в Музее истории и искусства Айзкраукльского края. Три камня из поселка Ликсна найдены в поле около древней каплицы. Место, где найден четвертый портативный камень с ямкой из этого поселка, уточнить не удалось. Получив информацию от хозяйки усадьбы Атали А. Груберте, что в ее частном музее хранится камень с ямкой, Я. Це-

попирированы в Музее истории и искусства Айзкраукльского края. Три камня из поселка Ликсна найдены в поле около древней каплицы. Место, где найден четвертый портативный камень с ямкой из этого поселка, уточнить не удалось. Получив информацию от хозяйки усадьбы Атали А. Груберте, что в ее частном музее хранится камень с ямкой, Я. Це-

«Портативный» чашечник, найденный на поле у д. Новоселье Лужского р-на Ленинградской обл.

Чашевидное углубление обведено мелом.
После фотофиксации камень был утерян.
Фото автора. 2002 г.

питис и А. Гринбергс поехали его осмотреть. Была осень, и соседи А. Груберте именно в этот день, копая картошку, нашли и притащили исследователям камень. Как и камень из коллекции А. Груберте, он был с одной ямкой, только по размерам куда больше первого. Оба камня связаны с территорией древнего поселения Двиетской низменности Путнусала «Остров птиц». Камень с двумя ямками на противоположных сторонах найден в поселке Вишки в церкви Св. Иоанна Крестителя. Там его использовали как опору для дверей в летнее время, чтобы те не закрывались» (Цепитис, Якубенока 2018: 184–185). К этому можно добавить, что подобный портативный чашечный камень был найден в 2020-х годах на комплексе чашечных камней у д. Ольховка, а ранее, в 2002 г., еще один такой объект был найден автором в Лужском р-не.

Расположение чашевидных углублений на боковой поверхности камня у д. Ольховка Приозерского р-на Ленинградской обл. Фото автора. 2012 г.

Камень у д. Кривко Приозерского р-на Ленинградской обл.: чашки расположены на боковой грани (отмечены мелом и черепками).
Фото автора. 2021 г.

3. Чашечные углубления располагаются не только на верхней грани камня, но и на боковых, наклонных, что исключает их использование для приношений. «Большинство чашек на эстонских камнях расположено на верхней стороне, горизонтальной или скошенной поверхности камня, то есть в местах, где было удобно сделать их. Приблизительно на 4% камней чашки были сделаны на вертикальных поверхностях» (Tvauri 1999: 127). Чашки на боковых поверхностях известны также на камнях у д. Ольховка и д. Кривко в Приозерском р-не Ленинградской обл.

4. Чашечные углубления нередко соединяются между собой. Это может быть выполнено в виде соединяющей несколько чашек высеченной в камне канавки, чашки могут располагаться близко, соединяясь своими краями, встречаются даже овальные чашки, словно сделанные из полного соединения двух. Данное явление широко распространено и явно не является случайным. В работе А. Тваури по чащникам Эстонии соединенные чашки упоминаются следующим образом: «Чашки иногда связываются каналом или углублением, вырезанным в камне. Подобные впадины известны на 23 эстонских камнях. Число чашек, соединенных каналами, может быть еще большим, поскольку люди, составляющие описание, возможно, были не в состоянии заметить их. В целом, на одном камне есть единственная соединенная пара чашек; только у шести камней есть более чем один канал. Две пары связанных чашек были замечены в д. Васта, приход Виру-Нигула, в д. Линнусе, приход Карусе, область Ляянемаа, в д. Тахула, приход Каарма в Сааремаа, и на камне на холме Тумала в приходе Пойде. Один канал на чащике Тумала формирует правильный угол» (Tvauri 1999: 131).

5. Сами по себе чашки ценности не представляли и явно не были культовыми объектами «для жертво-приношений». В ряде случаев новые чашки высовывались поверх старых, что наводит на мысль о важности именно процесса изготовления чашки, а не ее использования для приношений. Эстонский исследователь А. Тваури пишет об этом так: «Часто изготовители новых чашек не принимали во внимание старые чашки на камне: несколько раз более ранние чашки были разрушены при выбивании новых. Такие камни найдены в приходе Харью. Таким образом, чашки не считались ни табуированными, ни «священными». Очевидно, процесс создания чашки что-то значил, и сама чашка была для «единственно-го использования»» (Tvauri 1999: 128–129).

6. Чашки на поверхности камней не образуют каких-либо устойчиво повторяющихся и ясно верифицируемых фигур. Их расположение скорее тяготеет к верхней стороне камней.

7. Чашечные камни не являются культовыми в прямом смысле слова, то есть они не входят в разряд почитаемых объектов наравне со священными рощами, целебными родниками и другими культовыми камнями, а связанный с ними фольклор в основном носит характер символического объяснения происхождения чашек. По фольклорным данным, чашки чаще всего высверливались пятками танцующих ночью на камнях чертей (*Uino 1997: 286*), либо являлись отпечатками пальцев великанов, которые бросались этими камнями (*Конькова 2009: 35*). Таким образом, все известные фольклорные трактовки чашевидных углублений на камнях явно являются вторичными и более поздними.

В работе Я. Цепитиса и Л. Якубеноки «Камни с ямками в Латвии» краткое обозрение гипотез о назначении чашечных камней суммируется так: «Камни с ямками умеют хранить свои тайны. Но, даже не имея возможности раскрыть подробности культа, ясно, что камням с ямками, как и другим мифологическим камням, была отведена важная роль в мировоззрении древнего человека. Они были точкой отсчета, упорядочивающей взаимоотношения древнего человека с природой, с миром сакрального, и являлись неотъемлемой частью мифического ландшафта. Таким образом, эти камни имеют не только научную, но и духовную ценность» (*Цепитис, Якубенока 2018: 192*).

Эстонский исследователь Андреас Тваури, рассматривая гипотезы о назначении чашек, детально расставляет акценты с учетом многих из перечисленных выше тезисов: «Многие ученые и исследователи-любители пытались объяснить смысл чашек, но еще не сделали никакого определенного вывода. Шведский археолог Горан Беренхалт сделал остроумное замечание, что попыток интерпретировать чашки почти так же много, как непосредственно самих чашек. Хотя много было написано о чашках, исследований все еще недостаточно. Авторы, сосредоточивающиеся на чашечных камнях Северной Европы, часто ссылаются друг на друга. Оригинальная цель и верования, связанные с чашками, вероятно, никогда не будут известны нам. Однако на основе наводок, полученных в результате исследования, возможно обрисовать в общих чертах традицию создания чашек и пролить свет на некоторые из их характерных особенностей. Как упомянуто выше, чашки интерпретировали, особенно в более ранний период, как выемки для пожертвований, которые были вырезаны в камнях для того, чтобы класть туда приношения. Однако мы узнали в главе относительно положения чашек, что это предположение не оправдано; некоторые из чашек расположены на вертикальных или сильно наклонных сторонах камней, где невозможно поместить любые приношения. Даже в связи

с более поздним обычаем жертвования камням приношения помещали в чашки только в редких случаях. Было также предположение, что чашки использовались, например, чтобы сосчитать годы. Случайное расположение чашек противоречит этому предположению. Если бы чашки использовались для того, чтобы считать, они были бы выстроены в линию или, по крайней мере, сгруппированы. Кроме того, число чашек на камне является обычно маленьким (у 72% камней Эстонии 10 чашек или меньше). Также невозможно доказать, что чашки использовались, чтобы отметить определенные направления. Этой идеи противоречит большое число камней, отмеченных одной чашкой, и положение чашек на различных сторонах и вертикальных плоскостях камней. Использование чашек для астрономических целей в Эстонии и других частях Северной Европы почти исключено. Ассоциация чашек с культом предков также не очень вероятна, поскольку чашечные камни иногда располагаются очень далеко от поселений и мест погребения. Если чашки должны быть связаны с культом мертвых, у того факта, что очень много камней были найдены далеко от населенных пунктов, нет никакого объяснения. По той же самой причине создание чашек не может быть связано с рождением детей. Скандинавские петроглифы, включая чашки, считали пограничными отметками охотничьих угодий или частных владений. Хотя чашки расположены в пограничных областях между поселениями, а не в центрах поселений, они не отмечают “границ” в ландшафте. Кроме того, нет никаких свидетельств, что чашки были сделаны в наиболее видных или посещаемых местах. Чашки, идентичные на всей области распределения, не содержат информации о своем создателе, что принуждает нас полагать, что чашки не были средствами человеческой коммуникации. Чашки также связывались с культом огня или добыванием огня трением. Это предположение, однако, не разъясняет, почему камни должны быть около полей. Кроме того, как я упоминал прежде, невероятно, что чашки на камнях были созданы в результате трения. Конечно, не исключено, что корни традиции создания чашек уходят к лункам, вызванным добычей огня трением, тем не менее, по крайней мере, в Северной Европе нет никакой причины связывать чашки на камнях и скалах с добычей огня. Арви Лорингсон, исследователь местной истории, привлек внимание к воображаемому местоположению отмеченных чашкой камней около отвалов болотной руды. В действительности нет никакой связи между распределением чащников и болотной рудой. Ни один чашечный камень не был найден поблизости от наибольшего древнего центра добычи железа в Туйи, Сааремаа. Даже в Швеции, одной из самых богатых железной рудой стран Европы, древние

железные рудники расположены вдалеке от чашечных камней. Чашки также связывались с ритуалами плодородия, но пока, однако, никакое свидетельство не поддерживает этот аргумент. На текущей стадии исследования это предположение кажется самым вероятным. Создание чашек в камнях и скалах, возможно, служило волшебным ритуалом плодородия, связанным с сельским хозяйством. Поскольку эффект волшебства был вообще направлен на будущее, мы можем предположить, что создание чашки было связано с севом. За один раз делалась только одна чашка. У нас нет никакой причины полагать, что, как только чашка была сделана, у нее было позже любое магическое или ритуальное предназначение. Для людей этого периода чашечные камни были, вероятно, вовсе не священны. Мы можем подвести итог рассуждениям относительно связи чашек и ритуалов плодородия, сказав, что культивирование земли было более интенсивным и/или период создания чашек был более длительным в местах, где на камнях было больше чашек. Карта распределения камней с более чем ста чашками показывает, что почти все такие камни были найдены в прибрежных районах Северной Эстонии, самых ранних сельскохозяйственных районах Эстонии, где культивирование было первичным источником жизни уже в бронзовом веке. Поскольку создание чашек растягивается на относительно длительный промежуток времени и на чрезвычайно обширную область, они должны удовлетворять общую и легко постижимую цель. Чашки часто интерпретируют как солярные символы. Однако скандинавские петроглифы предполагают, что солнце изображалось немного другим способом: а именно, в форме диска, или с лучами, или с руками, протянутыми от него, подобно египетским изображениям солнца того же периода. В петроглифах солнце также изображено кругами и крестами в круге. Автор данной статьи склонен полагать, что отношение между чашками и обрядами плодородия выражено более прямым и постижимым набором символов. Чашками в скандинавских петроглифах иногда отмечены женские гениталии. Рядом с почти десятью тысячами фигурок мужского пола, с фаллосами, петроглифы демонстрируют множество женских фигур, пол которых обычно показан чашкой между ногами. Подобные подчеркнутые гендерные особенности были найдены в петроглифах Вэл Кэмоники в итальянских Альпах. То же самое символическое значение могло также быть передано овальными и овальными с точкой формами, найденными на петроглифах и чашечниках Скандинавии. Хотя фольклор Эстонии и других скандинавских стран не содержит информации насчет связи между чашечными камнями и ритуалами плодородия, традиция в различных частях мира содержит много ссылок на

это. В палестинской народной традиции, например, подобные чашки, вырезанные в скале, были ясно связаны с культом Матери-Земли. Отмеченные чашкой скалы в Индии также были связаны в народной традиции с ритуалами плодородия: в XIX столетии в Индии подобные чашки были сделаны на скалах вдоль дороги для свадебных процессий. Кроме того, не исключено, что чашки, сделанные на скандинавских и эстонских камнях, связаны с ритуальным оплодотворением земли» (Tvaari 1999: 157–162).

Можно констатировать, что только версия, которая сможет взаимосвязано и непротиворечиво объяснить всю совокупность вышеупомянутых фактов, может оказаться наиболее близкой к реальности. Исходя из этого, построения любых гипотез о чашечных камнях в Восточно-Балтийском регионе необходимо соотносить, в первую очередь, именно с этими базовыми тезисами.

Эксперимент: реконструкция технологии изготавления чашек

В 2019 г. в северо-западной части глинта Ижорской возвышенности автором был выявлен ранее неизвестный ареал распространения чашечных камней. В общей сложности к концу 2021 г. зафиксировано 13 камней. Изучение их структуры позволило сделать выводы о технологических ограничениях тех, кто изготавливал чашки. Так, все камни, отмеченные чашками, были гранитами рапакиви, чашки располагались в местах, удобных для изготовления углублений. Учитывая наиболее вероятное соотнесение выявленных находок с культурой Римского железного века в данной местности, можно сделать вывод о том, что данные камни являются древнейшими камнями с рукотворными отметками в окрестностях Петербурга. Исходя из культурного контекста, сложно допустить наличие специальных железных инструментов для изготовления чашек. Ввиду этого было выдвинуто предположение, что чашки изготавливались посредством высверливания углублений другим камнем.

Этот вывод основан на следующих моментах.

1. Все углубления по глубине и диаметру соответствуют размеру небольшого булыжника, который удобно удерживать в руке. Соразмерность углублений человеческой кисти руки является важным признаком рукотворности данных объектов.

2. В фольклоре европейских народов есть упоминания о том, что чашечники были мельницаами альвов, чертей и т. п. мифологических существ. Указание на сходство с зернотерками может говорить об идентичном процессе изготовления (как минимум, по внешним признакам).

3. Гладкая поверхность чашек указывает на их шлифовку в процессе изготовления.

Из работы А. Тваури об изготовлении чашек можно узнать следующее: «Единственный объект, который, по-видимому, использовался для того, чтобы сделать чашки, был продолговатым камнем с круглой вершиной, примерно 6 см в диаметре, найденный у Шогула, приход Юри, Оскаром Родметсом. Никакие инструменты для изготовления чашек не были найдены и в Финляндии. В Швеции, однако, меньшие камни, используемые для того, чтобы сделать петроглифы и чашки, были найдены около петроглифов. Чашки на эстонских камнях, кажется, также вырезаны камнем: весьма маловероятно, что с этой целью использовался металлический инструмент. В 1980 г. археолог Эйн Маесалу сделал попытку вырезать чашку на гранитном валуне. Ему потребовалось приблизительно два часа, чтобы сделать впадину, подобную чашкам на известных чашечных камнях. В Швеции, однако, чашка была сделана по подобной технологии в течение нескольких минут. Время, необходимое для того, чтобы сделать чашку, зависит, вероятно, как от твердости будущего чашечного камня, так и от твердости того, что служит инструментом, используемым для выбивания чашки. Эйн Маесалу попытался сделать чашку, протирая камень другим камнем, но этот метод оказался чрезвычайно трудным и отнимающим много времени. Хотя невероятно, что чашки были сделаны в камне путем трения, создатели чашки, возможно, использовали этот метод для того, чтобы полировать дно чашки. В 1979 г. местные исследователи попытались сделать чашку, используя раскаленное железо и холодную воду, и им потребовалось приблизительно 40 минут, чтобы сделать чашку. Но этот метод слишком сложен и требует такой большой подготовки, что весьма маловероятно, что он когда-либо использовался» (Tvaari 1999: 134).

Таким образом, вопрос об изготовлении чашек оставался открытым.

В 2020 г. местом проведения эксперимента по реконструкции технологии изготовления чашевидного углубления на камне был выбран берег Финского залива. Это было обусловлено наибольшим количеством доступных камней в этих местах. Для проведения эксперимента был взят гранит рапакиви, соответствующий по структуре породы и поверхности камням-чашечникам на Ижорском глинте. Чашка изготавливается двумя методами – ударным воздействием небольших камней с острым углом, раздрабливающим поверхностный слой гранита, и последующей шлифовкой окружным камнем образовавшихся неровностей. В ходе эксперимента в качестве абразива пару раз добавлялся песок. Подобным методом за час работы была изготовлена чашка диаметром 5 см и глубиной 0,5 см.

В ходе эксперимента было выявлено, что на эффективность изготовления чашки наиболее сильно влияет выбор удобных камней-инструментов. Учитывая выявленные трудозатраты, можно сделать вывод, что более глубокие чашки могли изготавливаться за 3–4 часа. Несложно подсчитать, что на камень с 10 чашками необходимо затратить до 40 человеко-часов работы. На Ижорском глинте выявлен камень-чашечник с максимальным количеством чашек – 53 углубления, трудозатраты на его изготовление опробованным методом займут до 212 человеко-часов, или до 20 рабочих дней для одного человека. Опробованный метод показывает возможность изготовления чашек самими примитивными подручными средствами за вполне приемлемый срок. Размеры чашек в целом обусловлены удобством расположения в руке инструмента. Различающиеся глубина и диаметр чашек могут указывать не на «особое значение», а на усидчивость, силу и мотивацию их автора.

Чашечные камни, скорее всего, были результатом коллективного труда местных землепашцев и создавались не сразу, а в течение длительного времени. Мотивация их изготовления могла быть обусловлена какими-либо внешними факторами.

Постэкспериментальная трактовка процесса изготовления чашечных углублений

Проведение эксперимента по реконструкции технологии изготовления чашечных углублений на

Небольшое чашевидное углубление, полученное в результате эксперимента по реконструкции технологии изготовления чашечных камней.
Фото автора. 7 ноября 2020 г.

камнях позволило не только оценить трудоемкость этого процесса, но и сделать вывод о его возможном символическом значении. Процесс изготовления чашки более всего похож на процесс символического помола зерна на ручной каменной мельнице-зернотерке. Таким образом, чашечный камень являлся своеобразной символической мельницей, а высоверливание чашки на таком камне, расположенному на поле, вероятнее всего, должно было «призывать» урожай по принципу, который можно выразить формулой «мололи в прошлом году – пусть будет что молоть и в этом». Этот магический ритуал отражает классический принцип симпатической магии, очень распространенной в древности схемы взаимодействия человека с окружающим миром. Данное направление магического мировоззрения было детально представлено антропологом Дж. Фрезером в его ставшей классической работе «Золотая ветвь». Советский этнограф С. А. Токарев подобные практики отнес к имитативной (симильной) магии. При этом многие такие ритуалы имели связь именно с бытовыми производственными процессами, словно копируя их. «Первобытные ритуалы, обряды своеобразны. Они тесно связаны с трудовыми процессами и подчас представляют собой не что иное, как празднично оформленную трудовую деятельность» (Березкин 1987: 4). К этой концепции можно отнести и ритуальную имитацию охоты перед настоящей охотой, обычай, который фиксировался у многих архаичных народов и упоминается во многих источниках, символическое проведение перед пахотой «первой борозды» и т. п.

Рассмотрим предложенную версию в свете вышеперечисленных тезисов.

1. Расположение чашечных камней на полях вполне соотносится с символическим «помолом зерна» для призываивания хорошего урожая на поле. Отголоски живой, сохранившейся традиции, связывающей чашечные камни и плодородие, впервые зафиксировала финская исследовательница Арья Альквиист в Ярославской обл., в России:

«О поклонах чашкам Мирского камня в д. Дунилово уникальные сведения я получила от Валерии Александровны Крестьяниновой (1921 г. р., Дунилово) и отчасти даже от ее дочери Ангелины Михайловны Троиной (1953 г. р., Дунилово), которую мне удалось найти в г. Переславль-Залесский. В возрасте 8–9 лет Валерия Александровна вместе с матерью и бабушкой участвовала в обрядах с чашечными камнями... В ходе двух продолжительных интервью информант с хорошей памятью несколько раз подтвердила информацию о поклонении чашечным камням. Мать Валерии Александровны, Екатерина Алексеевна Калягина (род. 1901, д. Дунилово), умершая всего 17 лет назад, призывала дочь:

“Поклонись, поклонись!”. Информант еще помнила слова матери: “Поклонись, Валька, ниже, ниже, ниже, а она меня гладит...”, “[и] мы с мамой кланяемся”. Ритуалы, связанные с деревенскими камнями, тесно связаны с поощрением земледелия и животноводства, что также видно из практик, связанных с чашечными камнями Дунилова... В частности, Валерия Александровна запомнила крестный ход во время летнего “Тихвинского праздника” от церкви Шулеца к чашечным камням Дунилова. Самые важные иконы поддерживались на краях камней, чтобы каждый мог пройти “как стадо гусей” и кланяться под иконами. От камней процессия направлялась к “Новому пруду”, где освящали скот. Шествие продолжалось по полям за рекой Мерешкой и по огородам, расположенным за домами... Мы молились о скоте, “чтобы скот не болел”, и об урожае, “чтобы Бог дал...”, “чтобы все хорошо росло”, “чтобы урожай был лучше”. Мы также молились о защите от сглаза (см. ниже). Несмотря на то, что в некоторых деревнях, например, в Хаурово, также молились о дожде на деревенских камнях, поскольку засуха продолжалась, жители Дунилова заказывали соответствующую молитву в церкви, “после чего, на следующий день [гром] начал грохотать”. В 1996 г. от Валерии Александровой была записана информация о том, что [воду] пили из камня Дуниловской чаши: “мы еще пили из углублений”» (Ahlqvist 2013: 15).

Несмотря на то, что данные свидетельства в целом типичны для народного православия, в этом случае интересна их связь с чашечными камнями. Связь камней с плодородием прослеживается и в Эстонии: «В каждой деревне и на каждом отдельном хуторе был жертвенный камень. Два раза в году ему приносили благодарственную жертву: весной, когда зерно проросло, и осенью, когда собран урожай. Если резали скотину, то внутренности животного тоже нужно было принести в жертву камню. Ф. Крейцвальд лично видел два таких камня в Эстонии и в деревне на Псковщине и думал, что жертвы ещё втайне приносят (запись 1850 г.)» (Агеева 2017: 37–38). Правда, во втором сообщении нет указания на то, что эти камни были чашечниками, но здесь необходимо отметить два других, не менее важных момента – эти камни были широко распространены («в каждой деревне и на каждом отдельном хуторе»); существовала ритуальная связь камней с земледелием. Вполне возможно, что первичный ритуал с символическим «помолом зерна» стал неактуален в связи с переходом от ручных зернотерек к более технологичным видам мельниц, при этом сама связь камней с плодородием могла сохраняться в виде устойчивой традиции. Это может объяснить, почему чашечники оказались забыты и стали

получать иные фольклорные трактовки, а сама идея сохранилась, приняв иные формы.

2. Наличие портативных чашечных камней не противоречит этой версии, поскольку они также могли использоваться с той же магической целью на разных полях разными людьми. При этом, ввиду упрощения, вполне возможно, что эти объекты могут являться более поздними.

3. Расположение чашек на камне не имело принципиального значения; они высверливались там, где это было удобно человеку: где-то на горизонтальной поверхности, где-то на наклонной. Если был важен сам акт, то место для изготовления чашки было второстепенным.

4. Соединение чашек между собой различными способами также логично объясняется с позиций симпатической магии – соединяться могли чашки, высверленные в урожайный год, с чашкой, высверливаемой «на будущий урожай». Таким образом, урожай предыдущего года «призывался» на следующий.

5. Нанесение новых чашек поверх старых также не противоречит «магическому» значению и могло производиться с той же целью – «повторить урожай прошлых лет». Хотя тут возможна и иная трактовка, возможно, такие чашки высверливались ввиду отсутствия удобного свободного места.

6. Отсутствие явных геометрических систем в расположении чашечных углублений вполне логично объясняется тем, что геометрия в этом ритуале не имела значения, важен был сам акт изготовления чашечного углубления на камне на поле.

7. Отсутствие культа и почитания чашечных камней также соотносится с магической практикой, в которой эти камни не были почитаемым объектом, олицетворением чего-то потустороннего, а являлись всего лишь инструментом для «призываания удачи», то есть хорошего урожая.

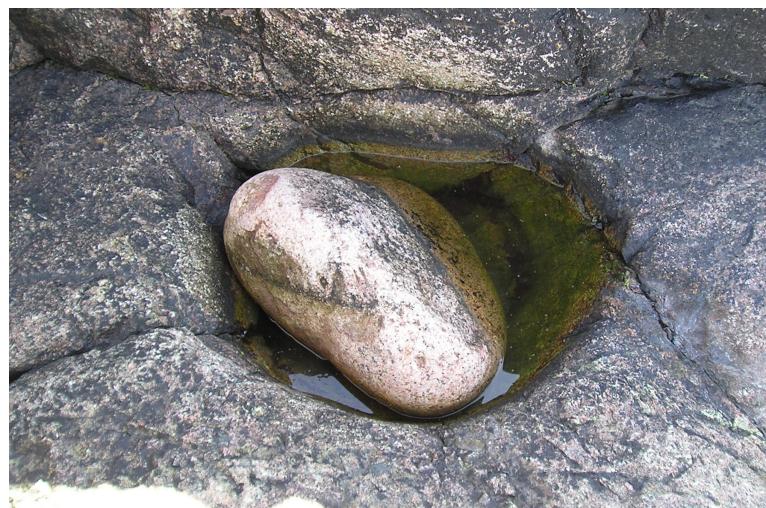
К этим семи рассмотренным тезисам можно добавить еще один, локальный. В Финноскандии достаточно широко распространены природные образования, визуально напоминающие чашечные углубления на скалах. Это водобойные котлы древних водопадов ледниковой эпохи, в местном фольклоре их называют чертовыми маслобойками или мельницами. В финской мифологии природные объекты, внешне напоминающие творения рук человека, часто получали интерпретацию как «чертовые». Логика здесь понятна: объект,

напоминающий творение рук человека, но не созданный человеком, кем же еще может быть сделан, как не чертом? Так углубления в скалах, напоминающие человеческие маслобойки и мельницы, становятся «чертовыми маслобойками и мельницами» (Петрухин 2003: 121).

Углубления на одном из камней в Тверской обл. объясняются тем, что «раньше на нем черти табак мололи» (Маланин 2009: 33–37). Это может указывать на то, что местным населением природные углубления в камнях воспринимались как мельницы, но сделанные не человеком, а чертом.

Таким образом, предлагаемая интерпретация не только может объяснить подавляющее большинство фактов, связанных с чашечными камнями, но и укладывается в целом в известные нам представления о ритуальных практиках древних народов, связи магии с производственными процессами и ассоциативным восприятием аналогичных объектов в природе.

Любопытным моментом, на который мало кто обратил внимание, является то, что возле одного из чашечных камней у д. Ольховка на Карельском перешейке был найден камень-терочник. Вот как об этом пишет археолог А. Сакса: «С северной стороны жертвенного камня сложена небольшая каменная куча, ограниченная большим принесенным со стороны камнем. В самой насыпи найдены средневеко-

«Чертовы маслобойки», напоминающие чашечники, но более крупных размеров. Создавались через вращение камней, попавших в углубления в скале, в потоках воды. Начальная стадия этого явления: Финский залив, о. Гогланд. Фото автора. 2017 г.

вая керамика и круглый камень-терочник» (Сакса 2010: 169). Камнем-терочником называется верхний камень зернотерки; нахождение такого предмета у чашечного камня практически подтверждает изложенную выше версию.

Можно суммировать, что проведенный эксперимент и последующая реконструкция ритуала позволяют сделать вывод о том, что, скорее всего, камни-чашечники представляли собой символические «мельницы», которые использовались для магического обряда «призываания урожая» на поля древних земледельцев. Символический помол зерна на поле должен был сделать следующий год урожайным. Судя по оценке трудозатрат, обряд изготовления чашки происходил в течение одного дня. Вполне возможно, что «призывание урожая» совершалось весной, синхронно с посевом или после первых всходов.

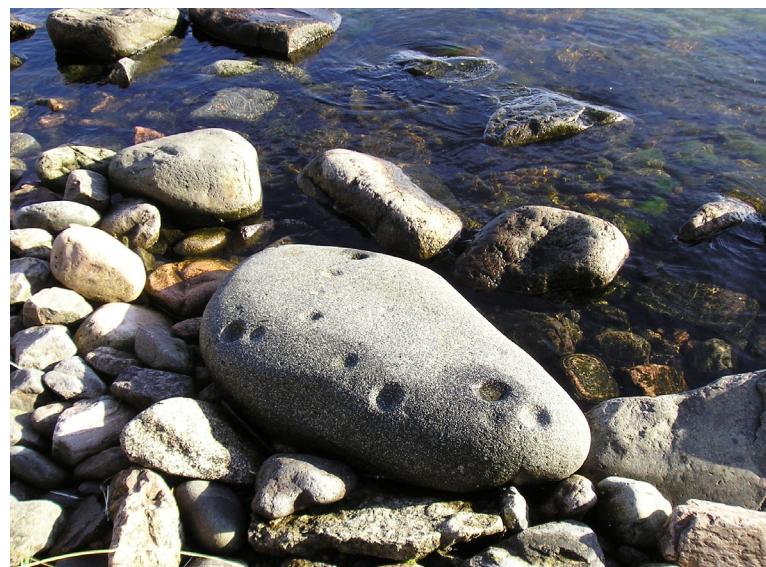
Подобная ритуальная практика могла быть актуальна в период раннего освоения новых земель земледельцами. Следует учитывать, что регионы к северо-востоку от Балтийского моря являются не самыми удачными для развития земледелия, и хороший урожай для земледельцев был залогом выживания и процветания. Будет ли верным сказать, что по числу чашек на валуне можно определить количество лет возделывания поля, на котором находится данный чашечный камень? Зависимость здесь может быть не столь линейной. Например, в работе Р. Малиновой и Я. Малиной, в главе о древнем земледелии в Восточной Европе отмечалось, что примерно через 15 лет поля истощались и люди оставляли их на 30–40 лет, потом возвращаясь сно-

или иного места, с учетом его специфических черт (почва, климатические условия и т. п.).

Исключение, подтверждающее правило?

Еще одним интересным моментом является то, что выдвинутая версия может прояснить «загадку» чашечных камней на острове Гогланд в Финском заливе (Мизин 2011: 46–52). На берегу уроцища Киискинкюля, у кромки прибоя, находятся три небольших камня с чашечными углублениями. Максимальная длина каждого из этих камней не превышает 1 м, таким образом, они являются самыми маленькими из известных чашечных камней в Ленинградской обл. и занимают условную нишу между «портативными» чашечниками и «обычными», располагающимися в полях. Соответственно вес этих камней не превышает несколько центнеров. Их расположение на острове, где никогда не было земледелия, в полосе прибоя, явно выходит за рамки сведений, известных о чашечных камнях на материке. При этом нахождение на уровне моря еще и указывает на то, что они там лежат не более 500 лет, поскольку в более раннее время они были бы под водой. Возникает дилемма – традиция чашечных камней в позднее Средневековье в Финляндии уже не прослеживается, но и в более ранний срок эти камни появиться там не могли. Долгое время это казалось неразрешимой загадкой.

В рамках рассматриваемой версии, а также с учетом существования традиции изготовления «портативных» чашечников вполне можно допустить, что эти камни могли быть либо привезены переселенцами из Финляндии со своих родных мест в качестве приносящих удачу реликвий, либо скопированы с чашечников на материке с той же целью. Если на материке чашечники располагаются на полях, то на Гогланде они находятся в месте, откуда рыбаки уходили на промысел. В обоих случаях их расположение связано с обеспечивающими жизнь промыслами и занятиями. Скорее всего, эти камни могли быть семейными реликвиями, вероятно, связанными с принесением удачи. В таком случае переселенцы вполне могли либо «взять» эти каменные реликвии с собой, благо

Чашечный камень в ур. Киискинкюля (о. Гогланд), расположенный на уровне моря. Фото автора. 2020 г.

ва (Малинова, Малина 1988: 48). Таким образом, вопрос о времени существования чашечной традиции в той или иной локации, в рамках выдвинутой концепции, остается открытым и, вероятно, требует более детального исследования в рамках того

габарита и вес у них небольшие, на новое место жительства, где расположили сообразно своему представлению об их назначении, либо скопировать сами чашки. Вполне допустимо, что здесь вполне могла существовать традиция высверливания ча-

шек на камнях перед выходом на промысел или по завершению рыболовного сезона. Поскольку один из камней в Киискинкюля был поврежден, а второй явно сдвинут, можно предположить, что эти камни относятся к периоду возникновения деревни в этом месте, и позднее особой роли они уже не играли. К этому можно добавить, что, по имеющимся сведениям, эта деревня была основана выходцами из Южной Финляндии.

Приближение к древнему мифу

Разработанная автором концепция понимания чашечных камней в рамках симпатической магии, направленной на «призывание урожая», позволяет представить следующую картину. В эпоху железного века в южной Фенноскандии получил распространение новый способ добывания пропитания – земледелие. Вместе с ним получила распространение «поддерживающая» его магическая традиции символического помола на валунах на полях. Следует подчеркнуть, что древнее мировоззрение было глубоко магичным по своей сути, и вся человеческая жизнь, так или иначе, была направлена на взаимодействие со сверхъестественными силами. Исходя из этого, можно утверждать, что хорошие урожаи в древности воспринимались как результат, в первую очередь, правильного магического действия. Переход к новому методу хозяйствования позволил получить главное преимущество земледелия перед охотой и рыболовством – избыток урожая, который можно сохранять и транспортировать, позволявший обменивать его на необходимые товары. Живя в одинаковых природных условиях, земледелец был богаче охотника. Земледелие стало стимулом развития экономики.

Проведенное автором исследование показало, что чашечные камни в южной Фенноскандии, скорее всего, могли выполнять функцию символических мельниц, магический ритуал на которых, в виде условного «символического помола зерна» высверливанием чашек, должен был «призвать урожай» на поля древних земледельцев. Учитывая масовый характер распространения чашечных камней в рассматриваемом регионе и революционный характер земледелия, как нового способа ведения хозяйства в ту эпоху, возникает вопрос – нет ли у подобной концепции иных контекстов, в первую очередь фольклорных и мифологических?

Именно в южной Фенноскандии, на землях Приладожской Карелии, издревле был известен образ волшебной мельницы Сампо, приносящей урожай и изобилие. Несмотря на то, что Сампо однозначно определяется в древних стихах как волшебная мельница, существует множество самых разнообразных

трактовок этого образа, по большей части символических и имеющих очень отдаленное отношение к исходному прообразу. Трактовку образа Сампо, волшебной мельницы изобилия из эпоса Калевала, во многом можно назвать занятием неблагодарным, поскольку подобные мифологические образы могут расшифровываться с совершенно разных позиций – религиозных, фольклорных, символических и т. д. В том числе и с позиций соотнесения Сампо с культовыми камнями прошлого. Первым такую гипотезу озвучил академик Б. А. Рыбаков в 1981 г. в работе «Сампо и сейды» (Рыбаков 1984: 74–78), в которой предположил, что прообразом Сампо могли являться «сейды» – валуны, поставленные на несколько небольших камней-подставок. Однако при определенном внешнем сходстве с идеей древней зернотерки сейды не соотносятся с земледелием, с которым, согласно Калевале, соотносится Сампо, поскольку сейды встречаются в зоне распространения древних культур охотников и рыболовов, для которых понятие мельницы вряд ли могло иметь значение в качестве источника изобилия. Явная связь Сампо с земледелием позволяет усомниться в данной трактовке. В настоящее время считается, что значение Сампо зависит от контекста, и общепринятого объяснения у данного мифологического артефакта нет.

Предлагаемая ниже автором новая концепция понимания образа Сампо является не очередной гипотезой, основанной на внешнем сходстве или созвучии с каким-либо географическим названием, а результатом контекстного анализа как вероятного ритуального назначения чашечных камней, так и изучения топонимического, исторического и природного контекстов комплекса таких камней у д. Ольховка Приозерского р-на Ленинградской обл., где расположено самое крупное на Карельском перешейке скопление данных памятников (Мизин 2018: 247–260).

Прежде чем приступить к рассмотрению данной идеи, необходимо подчеркнуть, что текст Калевалы во многом отражает именно магическое мировоззрение древних жителей Фенноскандии, мир рун Калевалы – это мир древней магии, которая окружала человека со всех сторон и помогала выживать в суровых условиях Севера. Будет в корне неправильным и абсурдным пытаться понять его с позиций материализма XX в. Таким образом, будет ошибкой рассматривать любые прямые параллели, например, «чашечный камень – это Сампо», без детального рассмотрения этого магического мировоззрения, его исторического и природного контекстов. Точно так же нет серьезных оснований считать Сампо символическим отражением мирозданья и т. п., поскольку в рунах Калевалы Сампо – это в

первую очередь мельница (а мельницы в древности были только каменными), приносящая урожай и изобилие. Руны о Сампо объясняют возникновение земледелия и, по отдельным упоминаниям, пелись во время весеннего сева.

В первую очередь необходимо обратить внимание, что в Калевале все, что связано с мельницей Сампо, упоминается исключительно в противостоянии двух народов – земледельцев финнов и охотников и рыболовов лапландцев, не знакомых с земледелием. Изготовление этой волшебной мельницы в качестве выкупа за невесту старухи Лоухи, колдунья из северной страны Похъелья (Лапландии), заказывает Вяйнямайнену. Этот момент указывает на то, что данный волшебный образ был известен «южному жителю» Вяйнямайнену, но являлся диковинкой для северян Похъелья. Вяйнямайнен поручает изготовление Сампо своему соплеменнику, кузнецу Ильмаринену:

«Старый, верный Вяйнямайнен
Говорит слова такие:
Не могу сковать я Сампо,
Крышку пёструю украсить,
Но, когда домой приеду,
Ильмаринена пришлю я:
Пусть тебе скует он Сампо»
(Калевала. Руна 7: 323–329).

Здесь интересно упоминание о том, что Вяйнямайнен сможет прислать Ильмаринена, только когда вернется домой, что указывает на то, что Сампо известно на его родине. Сам процесс изготовления Сампо тесно связан с металлургией, причем именно с получением болотного железа:

«Место кузнице он ищет,
Где мехи свои поставить.
Увидал сырью землю,
То болото все в холмочках;
Поглядеть туда идет он,
Рассмотреть вблизи болото;
Ставит там свое горнило
И мехи он размещает»
(Калевала. Руна 9: 115–122).

На первый взгляд, здесь можно увидеть противоречие – если мельницы были каменными, то как их можно выковать из железа? Однако это кажущееся противоречие. Без развития металлургии развитие земледелия в южной Фенноскандии было бы невозможно, что вполне в логичной последовательности отражено в эпосе. Металлургия первична для создания орудий труда, предназначенных для подготовки полей и возделывания по-

чвы. Далее речь явно идет о разных технологических укладах, где на одной чаше весов земледелие (а мельница имеет смысл только в земледелии) и металлургия, а на другой – северное население, не знакомое с земледелием. Почему мельница описывается как символ изобилия? Ответ на этот вопрос известен давно – переход к земледелию позволил получить избыток продукции, что, в свою очередь, стимулировало обмен и торговлю. В более южных регионах переход от присваивающего хозяйства (охота, собирательство) к производящему (земледелие) называется «неолитической революцией» (на Ближнем Востоке этот процесс произошел еще в неолите). Мир, в котором мы сейчас живем, возник именно тогда, когда на смену охоте и собирательству пришли земледелие и животноводство. Это действительно можно назвать революцией, стимулировавшей практически все сферы жизни – развитие техники (металлургия), торговлю, социальные отношения. Общество, освоившее земледелие, стояло на пороге выше в своем развитии по сравнению с племенами охотников и собирателей. Несомненно и другое: переход к земледелию был революцией не только в плане хозяйствования, но и в плане переосмысливания окружающего мира. Мировоззрение изменялось в связи с новыми ценностями, менялось само отношение к природе. Земледелие в нашем регионе позволило человеку стать менее зависимым от природы, поскольку позволило производить и запасать продукцию, что делает обеспечение продовольствием более стабильным.

Главным ресурсом, приобретенным человеком за счет перехода к производящему хозяйству, стал избыток продукции, изобилие. Но почему символом изобилия стала именно мельница, а не, например, соха (плуг)? Скорее всего, ответ на этот вопрос лежит в плоскости конечного продукта каждого инструмента. Соха позволяет вспахать поле, подготовить его, но это не гарантирует урожай, поскольку год может быть засушливым или холодным. При этом именно мельница гарантирует изобилие, ведь перемалывается уже собранное зерно, то есть результат тут уже гарантирован.

Именно об этом говорится в древних рунах:

«Рано утром меру мелет,
Меру мелет на потребу,
А другую – для продажи,
Третью меру – для запаса»
(Избранные руны Архипа Перттунена 1948: 17).

На то, что речь идет не о реальной мельнице, а именно о магическом ритуале, указывает следующая руна, описывающая Сампо:

«В нем и пашня,
В нем и место для посева,
В нем урожая всего залог
(подчеркивание наше. – В. М.)
(Избранные руны Архипа Перттунена 1948: 17).

Сами эти строки уже звучат как ритуальное заклинание. Если рассматривать их в отрыве от магического мировоззрения, то здесь можно увидеть нечто символическое, например, описание абстрактного изобилия. Однако фраза «урожая всего залог» очень хорошо соответствует смыслу реконструированного ритуала изготовления чашечных углублений на камнях. Далее можно увидеть еще более интересные строки – из чего сделано Сампо?

«Я скую, конечно, Сампо,
Крышку пеструю украсу,
Взяв конец пера лебедки,
Молока коров нетельных,
От овечки летней шерсти,
Ячменя зерно прибавив»
(Калевала. Руна 10: 271–276).

Очевидно, что перечисленные предметы не могут иметь никакого отношения к созданию реальной мельницы, но вполне могут использоваться, например, в магическом ритуале призыва изобилия (перо – при охоте на птиц, зерно – в земледелии, молоко и шерсть – в скотоводстве и т. д.). То есть с сотворение Сампо, каким оно описывается в рунах Калевалы, это действительно акт симпатической магии – сотворение изобилия. При этом Сампо все же тесно связывается в первую очередь с пашнями, посевами и земледелием в целом:

«Сладко в Похъеле живется,
Если в Похъеле есть Сампо!
Там и пашни и посевы,
Там и разные растенья,
Неизменные там блага»
(Калевала. Руна 38: 310–314).

Академик Б. А. Рыбаков так рассматривает образ этой волшебной мельницы: «В горниле “вековечного кователя” создается простейшее каменное устройство из двух камней: основы и крышки из пестрого камня. Это не что иное, как первобытная зернотерка с плоской основой и курантом-растирателем, устройство, возникшее на грани собирательства и земледелия» (Рыбаков 1984: 74–78).

Приводимая далее им технология, в которой «изделие Илмаринена размалывает зерно и соль, действуя то одним боком, то другим (руна 10), подтверждает мысль о зернотерке, – ротационный жер-

нов вращается только в одной плоскости, и поворачивать его то одним боком, то другим невозможно» – это также наглядно иллюстрирует процесс высоверливания чашевидного углубления на камне вручную. После изготовления Сампо:

«Рада Похъелья старуха.
Понесла большое Сампо,
В гору Похъелья относит,
Отнесла в утес из меди,
Что за девятью замками;
Корни Сампо там зарыла
В глубину на девять сажен,
И один шел корень в землю,
А другой – на берег моря,
Третий корень – в глубь утеса»
(Калевала. Руна 10: 423–432).

Расположение на высоте, но корнями в земле – данное описание характерно для расположения чащников на возвышенных полях, на погруженных в землю древних валунах. Возможно, эти упоминаемые «корни Сампо», в виде заглубления камней на полях, могли играть свою роль в реконструированном автором ритуале высоверливания чашек, «передавая» земле, через заглубленный камень, магию ритуала призыва плодородия. Интересно также, что, с другой стороны, Сампо описывается как нечто огромное и почти неподъемное, что также соответствует образу большого камня:

«Вот сбивает Лемминкяйнен,
Он сбивает, ударяет,
Ухватил руками Сампо
И упер колено в землю,
Но не сдвинулся Сампо,
Крышка пестрая не сбилась.
Сампо корни запустило
В глубину на девять сажен»
(Калевала. Руна 42: 137–144).

Магическое значение Сампо также подчеркивает и тот факт, что даже после его разрушения Вяйнямейнен берет осколки волшебной мельницы и использует их для увеличения урожая на полях:

«Посадил осколки Сампо,
Щепочки от пестрой крышки
На мысочке средь тумана,
Там, на мглистом островочке,
Чтоб росли и умножались,
Чтоб могли преобразиться
В рожь прекрасную для хлеба
И в ячмень для варки пива»
(Калевала. Руна 43: 391–398).

Сравнение черт Сампо и чашечных камней можно свести в таблицу:

Черты Сампо	Характеристики чашечных камней
Образ мельницы.	Гипотеза о чашечниках как символических мельницах способна непротиворечиво объяснить всю совокупность известных характеристик расположения как самих валунов, так и чашек на них.
Связь с земледелием.	Расположение на полях.
Магия: вращение Сампо производит урожай и достаток.	Реконструированный ритуал «призываания урожая» в виде символического помола на чашечниках.
Корни Сампо, уходящие в землю, скалу и море.	Заглубление валунов в землю. Описание корней Сампо, уходящих в землю, скалу и море, очень точно описывает особенность природы Фенноскандии, где отдельные валуны и выходы скальных пород действительно могут одновременно восприниматься как уходящие в грунт, скалу и воду (через береговые скальные выходы). Например, чашки, высеченные на скале в районе Суотниеми (озеро Вуокса), «соприкасаются» со всеми тремя упоминаемыми составляющими (стихиями?) – землей (грунтом), скалой и водой.
Большие размеры и неподъемный вес, корни, уходящие в землю.	Чашечники нередко представляют собой большие и тяжелые камни в полях, порой едва выступающие на поверхность.
Одновременная возможность перемещения.	Использование портативных чашечников (?).

Из рассмотренной таблицы следует, что по целику ряду ключевых черт образ Сампо очень хорошо соответствует камням. Здесь нужно сказать несколько слов о «символических» трактовках Сампо в виде образа мировой оси, мирового дерева и т. п. Минусом символических трактовок являются указанная в рунах Калевалы конкретика описания качеств Сампо и четкое указание, что этот предмет является мельницей, устройством, знакомым жителям Калевалы, а мельница во времена создания рун эпоса могла быть только каменной.

Сравнивая магическое значение изготовления чашевидных углублений на камнях с образом Сампо, логично задаться важным вопросом: почему подобный мифологический образ мог сложиться именно здесь, в Южной Карелии, ведь чашечные камни распространены и западнее вдоль Балтийского побережья? Ответом на этот вопрос будет пограничное положение Карельского перешейка. Вполне вероятно, что новые, передовые способы хозяйствования южнее и западнее легко перенимались другими племенами, поскольку они обитали в схожих природных условиях, где возможно земледелие. При этом

разница между финнами и саами была не только в способах производства жизненно необходимых продуктов (земледелие против охоты и собирательства), но и в природных условиях. Для саами процветание за счет перехода к земледелию у финнов могло отождествляться с магией, поскольку в северных условиях Похъялья оно было невозможно из-за природного фактора. Именно в такой пограничной среде, где столкнулись два народа, находившихся на разных стадиях развития, два метода хозяйствования и разные природные условия обитания и землепользования, у этих народов мог возникнуть образ, подобный Сампо – образ волшебной мельницы. Именно поэтому Сампо «не прижилось» в Похъялье.

География начала

Ключевым героем эпоса Калевала является Вяйнямейнен, нередко упоминаемый как Сувантолайнен, то есть «житель Сувантолы» или «присоединившийся из Сувантолы». Чаще всего Сувантола воспринимается исследователями как один из эпитетов Калевалы, название, не имеющее конкретной географической привязки.

Однако в рамках предлагаемой концепции можно провести новые географические сопоставления. На землях древней Карелии есть озеро Сувантоярви – «озеро Сувантолы», и именно на его берегу располагается крупнейший в Южной Карелии комплекс чашечных камней. Здесь, возле д. Ольховка (бывш. Лапинлахти), с 1979 по 2020 г. было выявлено 22 чашечных камня, располагающихся на прибрежной террасе озера.

В работе советского географа В. И. Паранина Сувантола описывается следующим образом: «Сувантола является одним из имен некой эпической южной страны наряду с Калевалой, Вяйнелой и др. Данное название тем более ценно, что его основа сохранилась в карельском языке до наших дней – suvi (юг)» (Паранин 1990: 70).

Есть предположение, что Суванто означает спокойное течение в реке, речной разлив под во-

Береговая терраса оз. Суходольского, на которой расположено 22 чашечных камня.
Фото автора. 2001 г.

Сейчас это озеро носит русское название Суходольское. В Средние века новгородцы называли его Сванским озером, шведы – Суандо Лакус. Гидронимы являются наиболее устойчивыми из всех географических названий и нередко хранят память об очень древних временах. В Калевале Сувантола («страна Суванто») упоминается как место жительства Вяйнямейнена, который упоминается как Сувантолайнен и Увантолайнен («житель страны Суванто»). Приведем несколько цитат из рун Калевала и Кантелетара, где упоминается Сувантола:

«Ты, несчастный, дурно сделал,
Что сразил ты старца Вайнё,
Сына Калевы убил ты,
Сувантолы песнопевца,
Калевалы украшение»
(Калевала. Руна 6: 230–234).

допадом или между двумя водопадами, однако эта версия применительно к рассматриваемому району кажется наименее убедительной, поскольку Лосевские пороги образовались в 1857 г., а река Бурная в 1818 г., при этом название Суванто известно за многие столетия до этих дат. В одной из современных публикаций это название трактуется следующим образом: «Название Сувантолайнен или Увантолайнен является “почти синонимом суванто, стоячей воды” (Лоннрот и Магун 1963); “спокойное течение в реке, разлив реки под водопадом” (Киуру 2020). Имя Сувантолинен зарегистрировано в переводе Кирби в рунах VI, XIX, XVIII, XLIX и Увантолинен в рунах VII, XVIII, XLII. В переводе Кроуфорда имя Сувантолинен используется также в руне XLIX» (*Bahtiozina, Bulina, Solnyshkina 2020: 427*).

При этом эпитет Сувантолайнен (Увантолайнен) применительно к Вяйнямейнену в Калевале упоминается чаще всего: «В переводе Кирби Вайна-

мойнен упоминается как Вяйнямойнен, Вайно (10), Сувантолайнен (8), Увантолайнен (6), Калевалайнен (4), Калевайнен (1) и Осмойнен (1). В переводе Кроуфорда Вайнамойнен также упоминается как Осмойнен (3), Вайно (1), Сувантолайнен (1). Вариации названий обусловлены преимущественно исходными текстами, то есть немецким и финским, а также желанием переводчика сохранить метрику стиха» (*Bahtiozina, Bulina, Solnyshkina 2020: 426*).

Существует и иная, критическая точка зрения, озвученная в рецензии Э. С. Киуру на издание Калевалы 1984 г. в журнале «Советская этнография»: «Вайнола, как и Сувантола, – место жительства Вяйнямейнена, область Калевалы. Архаический карело-финский эпос не знает топонимики в современном значении. Название населенной местности там непременно связано с представлением о конкретном родовом коллективе или герое как представителе этого коллектива. Более мелкого членения этого синкретического представления, которое, видимо, можно назвать этнотопонимом, эпос не знает. Похъола, Сариола, Сувантола, Ументола, Вайнола и т. д. – это понятия равнозначные и равновеликие, и означают они просто место обитания либо противостоящего рода, либо своего, нашего, рода-племени. Введенное Э. Ленниротом в Калевалу обобщенное представление о стране Калевале и народе Калевалы не меняет этого общего для народных рун положения, и Вайнола, как и Сувантола, – синонимы Калевалы, а не ее территориальные единицы» (*Киуру 1985: 151–152*).

На мой взгляд, считать Сувантолу всего лишь одним из абстрактных синонимов Калевалы будет неверным именно ввиду наличия соответствующего этому названию конкретного гидронима Сувантоярви – «озеро Сувантолы», расположенного как раз в южной части Карелии, где и существовала традиция чашечных камней. К этому стоит добавить, что это название известно, как минимум, с XVI в.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что упоминаемая в рунах Калевалы и Кантелетара страна Сувантола может быть локализована в южной части Карелии, на берегах озера Сувантоярви. То, что Сувантола была одним из названий Карелии, также указывает на важность этой местности, ее знаковое значение. Для новгородцев, в более позднее время, Сувантола была известна как Передняя, то есть ближняя, или южная Корела (*Жуков 2011: 72–79*).

Рассмотрим еще ряд упоминаний этого топонима в Калевале.

«Ты куда же, Вяйнямейнен,
Держишь путь, Сувантолайнен?»
(Калевала. Руна 18: 173–174).

В этой руне, повествующей о походе в Похъелу, Вяйнямейнен идентифицируется как Сувантолайнен, то есть житель страны Сувантолы, что ясно указывает, откуда именно он отправился в этот поход и как воспринимался в Похъеле (Лапландии). Далее, по ходу сюжета, он также неоднократно упоминается в этом качестве.

«Не позволил Вяйнямейнен,
Запретил Сувантолайнен
Старцу свататься седому
Женихом к девице юной,
К ней водою плыть упрямо,
За желанной – сущей ехать,
Чтобы свататься к девице,
Если есть соперник юный»
(Калевала. Руна 19: 511–518).

Вяйнямейнен также упоминается и как Увантолайнен, что явно является упрощенным, возможно, более поздним производным от Суванто. Скорее всего, это упрощение возникло ввиду отсутствия понимания истинного значения эпитета «Сувантолайнен», которое воспринималось просто как один из поэтических образов, вне конкретной географической привязки.

«Горько плачет Вяйнямейнен,
И скорбит Увантолайнен»
(Калевала. Руна 7: 185–186).

«Отчего так, Вяйнямейнен,
Плакал ты, Увантолайнен,
В этой местности угрюмой,
На краю большого моря?»
(Калевала. Руна 7: 241–244).

«Ты не плачь, о Вяйнямейнен
Не горюй, Увантолайнен:
Хорошо б тебе остаться,
Проводить бы здесь всё время»
(Калевала. Руна 7: 269–272).

Все эти эпитеты могут указывать на то, что окрестности оз. Сувантоярви были издревле широко известны как «место жительства» главного героя карельского эпоса Калевалы – Вяйнямейнена, и именно здесь располагалась страна Сувантола, жители которой могли изготовить Сампо.

Почему именно этот регион? При миграции носителей традиции чашечных камней из Финляндии на юго-восток именно окрестности оз. Суходольского будут оптимальным районом для освоения земледельцами. Если обратиться к физической карте Карельского перешейка, то можно отметить, что

он удачно располагается между болотистыми местами южнее и скалистыми севернее, то есть данная местность оптимально подходит для земледелия и является наиболее южной (теплой) во всем ареале финских чашечников, имея выходы на Вуоксу и Ладогу. Добавим также, что это самый большой по площади регион на Карельском перешейке с подобными характеристиками. Однако одного ландшафта явно недостаточно, есть еще один важный фактор, указывающий на особенность этой местности. Этот фактор – климат. В работе Р. Соланти, посвященной исследованию климата Фенноскандии в исторический период, отмечается интересная особенность этой части Карельского перешейка: «Парадоксальная особенность климата региона состоит в том, что чем холоднее зима, тем быстрее здесь оттаивает земля. Это связано с тем, что количество осадков даже увеличивается по мере снижения средней зимней температуры, в отличие от остальной Финляндии» (Solantie 2012: 74).

Располагаясь между Финским заливом и Ладогой, в холодные зимы при восточном ветре влажный и более теплый воздух с Балтики поднимается вверх и конденсируется осадками, за счет чего на земле образуется более толстый снежный покров, не позволяющий почве промерзать. По этой причине весной, после таяния снега, и земля оттаивает быстрее, чем в других регионах Фенноскандии. Нет сомнений, что для древних земледельцев это было также важным фактором, существенно снижающим риски ведения сельского хозяйства. Засевание земли Вяйнямейненом (напомним, носившим эпитет «житель Сувантолы» – Сувантолайнен) в Калевале описывается как один из важных этапов создания мира:

«Сею я творца рукою,
Всемогущего десницей,
Чтоб взошло на этом поле,
Чтоб росло на этой почве.
О ты, старица земная,
Мать полей, земли хозяйка!
Дай ты почве силу роста,
Дай покровов из перегноя!
И земля без сил не будет,
Не останется бесплодной,
Если ей даруют милость
Девы, дочери творенья.
Ты вставай, земля, проснися,
Недра божьи, не дремлите!
Из себя пустите стебли,
Пусть поднимутся отростки!
Выйдет тысяча колосьев,
Сотня веток разрастётся,
Где всхахал я и посеял,

Где я много потрудился!
О ты, Укко, бог верховный,
Укко, ты, отец небесный,
Ты, кто правит туч грозою,
Облаками управляет!
Ты держи совет на тучах,
В небесах совет правдивый!
Ты подай с востока тучу,
Тучу с севера большую,
А от запада – другую,
Тучу с юга побыстрее!
Ниспошли ты дождь небесный,
Пусть из тучи мед закаплет,
Чтоб колосья поднялися,
Чтоб хлеба здесь зашумели!
Укко, этот бог верховный,
Тот отец небесный, мощный,
Совещанье держит в тучах,
В небесах совет правдивый.
Вот с востока шлет он тучу,
Тучу с севера другую,
Гонит тучу от заката,
Посыпает тучу с юга;
Бьёт он тучи друг о друга,
Край о край их ударяет.
Посыпает дождь небесный,
Каплет мёд из туч высоких,
Чтоб колосья поднялися,
Чтоб хлеба там зашумели.
Затемнели там колосья,
Поднялись высоко стебли
Из земли, из мягкой почвы
Вяйнямейнена трудами.
Вот проходит день ближайший,
Две и три проходят ночи,
Пробегает вся неделя,
Вышел старый Вяйнямейнен
Посмотреть на всходы в поле,
Где пахал он, где он сеял,
Где он много потрудился:
Видит он ячмень прекрасный,
Шестигранные колосья,
Три узла на каждом стебле»
(Калевала. Руна 2: 269–272).

В целом в этом регионе земледелие на постоянной основе распространяется с середины 1 тыс. н. э., что соответствует началу так называемого Средневекового оптимума – периода потепления, последовавшего за пессимумом раннего Средневековья (III–VI вв.). Характерно, что и экономический кризис XVI в. совпал с фиксируемым по пыльце заметным снижением распространения культурных растений, наблюдаемым в XVI–XVIII вв. (Сакса 2010: 49), что также соответствует «Малому ледниковому периоду» в Европе.

Связанные с земледелием чашечные камни, которых вблизи д. Ольховка на берегу оз. Суванто больше, чем где бы то ни было в Карелии, являются указанием на эту местность как на древний и крупный земледельческий кластер. Рассмотрев подробно окрестности д. Ольховка, можно сделать обоснованный вывод о том, что эта местность на протяжении нескольких столетий была настоящей житницей древней Карелии. Данный район издревле был оптимальен по своим природным условиям для земледелия. В качестве иллюстрации приведем одно характерное, но более позднее упоминание, как раз относящееся к периоду похододания в Европе в XVII в. На шведской карте 1650 г. в Лапинлаакс (старинное название Ольховки) упоминается 18 крестьянских хозяйств, из которых одно заброшено. Для сравнения: на той же карте вокруг оз. Суванто (приход Саккола) указано в среднем 5–6 хозяйств на деревню, таким образом, окрестности современной Ольховки превышают средний показатель в три раза (*Utter 1650*).

Финское название современной д. Ольховка – Лапинлаахти – заслуживает особого внимания. Его буквальный перевод – «Лопарский залив». Ряд исследователей считает, что данное название указывает на то, что карелы, поселившиеся на берегу Суванто еще в железном веке, застали живших здесь саами (лопарей). В шведских документах XVII в. Лапинлаахти упоминается на шведский манер – Лапинлаакс, с таким же значением. При этом в русских переписных книгах новгородского времени это название неизвестно. Несмотря на то, что далеко не все названия из этих источников можно соотнести с реальными географическими точками, исследователь Карельского перешейка Е. А. Балашов предполагает, что современной Ольховке могли соответствовать названия с корнем Лахта или «Горка у озера Сванского» (Балашов 2005: 65). Название «Горка» является вполне подходящим, поскольку в поздней финской топонимике этой местности постоянно встречается корень *«mäki»* – холм. Это говорит о том, что холмистость отмечалась здесь поселенцами как одна из выдающихся характеристик ландшафта. Если финское название Лапинлаахти появляется в документах в XVII в., то оно явно не может отражать реалии тысячелетней давности – времени, когда, согласно отдельным исследованиям, здесь могли проживать саами (лопари). Чтобы разрешить это затруднение, необходимо рассмотреть, откуда в финской топонимике могло взяться упоминание лопарей. Ответ на этот вопрос могут дать другие подобные финские топонимы, известные в южной Финляндии и Карелии. Например, такой же топоним, Лапинлаахти, известен на о. Гогланд, где, согласно финским источникам, он указывает на древ-

ние каменные сложения, приписываемые финнами лопарям. Подобное явление было широко распространено и на Северо-Западе России, где забытые древности приписывали шведам, чуди, лопи и т. д.

Вполне логично, что топоним Лапинлаахти располагается в месте, представляющем собой крупнейшее скопление как каменных курганов, так и камней-чашечников. Учитывая, что это название было известно уже в XVII в., можно предположить, что в это время финны данные каменные древности уже приписывали лопарям и, вполне вероятно, не ассоциировали с собственной древней историей. Подобный феномен можно наблюдать и у русского населения в Ингерманландии, где новгородские курганы и каменные кресты с XVIII в. местное население уверенно считало «шведскими». Однако, чтобы произошла такая замена исторической памяти, должна произойти смена населения. Разорение Корельского у. с массовым оттоком населения фиксируется в источниках в XVI в. Вот как об этом пишет И. Чернякова: «Свидетельства источников позволяют утверждать, что миграция населения из Приладожья, начавшаяся, по-видимому, в связи с ужесточением борьбы церкви против язычества в 1530–1540-е гг., усилилась сразу после реформы местного самоуправления 1556 г. и приняла характер массового бегства после разорения опричниками Ивана Грозного, с 1566 по 1570 г. Двигаясь в северо-восточном направлении, карелы постепенно расселялись все далее и далее на север, в район системы озер Куйто и – еще позднее – достигли берегов Кумсозера. Другой поток покинувших отчий край карелов, хорошо известных в историографии под именем «корельских выходцев», примет массовый характер позднее, после перехода уезда под власть Швеции, и будет сориентирован на Олонец и далее к югу – в центральные районы России, где сформируется новая компактная территория их проживания, известная ныне как Тверская Карелия» (Чернякова 1998: 7–32).

Исходя из этого, можно вполне обоснованно предположить, что исходное, древнее название этой местности было забыто, а при произошедшей в XVI–XVII вв. смене населения вновь поселившимся здесь финны застали многочисленные камни с чашевидными углублениями и каменные кучи, и по типичному для того времени ходу мысли приписали все это лопарям. Скорее всего, именно так появилось на карте Карельского перешейка название Лапинлаахти. В пользу этой версии можно привести и то, что единственный залив на береговой линии озера как раз обращен к террасе, на которой расположаются древние памятники.

Подытоживая, можно отметить, что древний земледельческий кластер у оз. Суванто, включаю-

щий большое количество чашечных камней возле д. Ольховка, вероятнее всего, может быть соотнесен с Сувантолой, упоминаемой в рунах Калевалы. При этом упоминание главного героя карельского эпоса Вяйнямейнена как жителя Сувантолы указывает на этот регион как важный для древних финнов и карел, их мифологии и географии.

Выводы

В заключение проведенного исследования можно констатировать, что предлагаемая автором концепция магического значения изготовления чашечных углублений на валунах имеет многочисленные ключевые пересечения с мифологическим образом Сампо (образ мельницы, акцент на магии и земледелии, сходство ряда внешних характеристик и т. д.). Это позволяет по-новому оценить такие памятники, как чашечные камни, в магическом мировоззрении и мифологическом контексте обитателей южной Фенноскандии эпохи железного века. Выдвинутая концепция представляет собой смысловую среду, позволяющую взаимосвязано и непротиворечиво увидеть и понять многие связанные с чашечными камнями нюансы, а также окружающий их многоплановый бэкграунд.

Автор не склонен, подобно Б. А. Рыбакову, относившему Сампо с конкретными древними объектами, «сейдами», ставить знак равенства между чашечными камнями и Сампо, однако логическая взаимосвязь «земледелие – мельница – изобилие» является несомненной. Распространение земледелия в эпоху железного века и сопутствующие ему магические ритуалы не могли не изменить весь мифологический ландшафт на рассматриваемой территории. Можно допустить, что в образе Сампо действительно могла отразиться именно магическая традиция, связанная с увеличением урожая,

ведь Сампо, согласно runам Калевалы, была именно волшебной мельницей, дающей самый широкий ассортимент продукции, а не просто зернотеркой. В этом образе вполне могли отразиться чаяния древних земледельцев, упование на магию как гарантию хорошего урожая в суровых северных условиях. Если это предположение верно, то большое количество камней-чашечников у д. Ольховка вполне объяснимо – это было процветающее за счет земледелия место, жители которого активно обращались к магии как гарантии хороших урожаев.

Проведенные сопоставления также позволяют обоснованно говорить о том, что самым древним названием местности возле современной д. Ольховка могло быть Сувантола, память о котором сохранилась лишь в названии озера. При этом упоминание этого названия в Калевале, указывающее на его древность, а также возможные магические взаимосвязи между чашечниками и образом мельницы Сампо позволяют характеризовать эту местность как один из первых земледельческих центров Древней Карелии, возникший в подходящей по ландшафту и климату локации и, вероятно, повлиявший на формирование образа приносящей изобилие волшебной мельницы Сампо. Если обозначенная гипотеза окажется верной, то она также позволит датировать возникновение образа Сампо не ранее VI–VII вв.

При этом следует подчеркнуть, что сама традиция высоверливания чашек на камнях является «надкультурным бродячим сюжетом» и их значение в культуре земледельцев южной Фенноскандии и Восточной Балтии не равно значению в неолитических культурах других регионов. Подобные феномены всегда следует рассматривать в первую очередь исключительно в локальных контекстах.

Источники и материалы

- Агеева 2017 – Агеева Р. А. Камень и горы в народной культуре. М.: Мaska, 2017.
- Балашов 2005 – Балашов Е. А. Метаморфозы топонимики Карельского перешейка. СПб.: ИПК Нива, 2005.
- Березкин 1987 – Березкин Ю. Е. Голос дьявола среди снегов и джунглей. Истоки древней религии. Л.: Лениздат, 1987.
- Зайцев 2019 – Зайцев А. П. Камни с ямками в Беларуси – 30 лет исследований // Таинственная Беларусь V: Материалы конференции. Минск, 2019. С. 168–187.
- Избранные руны Архипа Перттунена 1948 – Избранные руны Архипа Перттунена / пер., вступ. ст. и примеч. В. Евсеева. Петрозаводск, 1948.
- Калевала 1888 – Калевала: Финская народная эпопея / Полный стихотворный перевод, с предисловием и примечаниями Л. П. Бельского. СПб.: Типография Н. А. Лебедева, 1888.
- Маланин 2009 – Маланин И. Д. Там, где черти табак мололи // Аномалия. 2009. № 3. С. 33–37.
- Малинова, Малина 1988 – Малинова Р., Малина Я. Прыжок в прошлое. М.: Мысль, 1988.
- Мизин 2011 – Мизин В. Г. Остров Гогланд. СПб.: Центр сохранения культурного наследия, 2011.
- Паранин 1990 – Паранин В. И. Историческая география летописной Руси. Петрозаводск: Карелия, 1990.
- Петрухин 2003 – Петрухин В. Миры финно-угров. М.: Транзит книга, 2003.
- Utter 1650 – Map of Sakkola // Национальная Библиотека Финляндии.
- <https://urn.fi/URN:NBN:fi:jyu-201008112444> (дата обращения: 13.05.2024).
- Киуру 2020 – Киуру Э. С. «Калевала». Перечень действующих лиц, мифологических персонажей, эпиче-

ских топонимов. Составлен Эйно Киуру. 2020 // Сайт Правительства Республики Карелия. <http://www.gov.karelia.ru/Different/Kalevala/songs/pers.shtml> (дата обращения: 29.11.2024).

Научная литература

- Вайткявичюс В. Камни с ямками в Литве. Итоги исследований 1972–2016 гг. // Культовые камни Восточной Европы: Беларусь, Латвия, Литва, Россия. СПб.: Гуманитарная Академия, 2018. С. 194–213.
- Жуков А. Ю. Система расселения и административно-территориального деления Приладожской Карелии (XII–XVIII века) // Труды Карельского научного центра РАН / гл. ред. А. Ф. Титов. 2011. № 6. С. 72–79.
- Киуру Э. С. Рец. на: «Калевала». Л.: Лениздат, 1984 [Вступит. ст. и примеч. С. Я. Серова] // Советская этнография. 1985. № 3. С. 147–152.
- Конькова О. Сказки и предания водского народа. СПб.: МАЭ РАН, 2009.
- Мизин В. Г. Находки чашечных камней на северо-западе Ижорской возвышенности в апреле–мае 2019 г. // Бюллетень Института истории материальной культуры Российской академии наук. № 9 (охранная археология) / науч. ред. Н. Ф. Соловьева. СПб.: Изд-во ООО «Невская книжная типография», 2019. С. 41–49. <https://doi.org/10.31600/978-5-907298-00-2-2019-9-41-49>
- Мизин В. Г. Новые сведения о чашечных камнях в Ленинградской области на 2021 г. // Бюллетень Института истории материальной культуры Российской академии наук. № 11 (охранная археология). Научные редакторы Н. Ф. Соловьев, С. Л. Соловьев. СПб.: Изд-во ООО «Невская типография», 2021. С. 15–22. <https://doi.org/10.31600/978-5-907298-31-6-2021-15-22>
- Мизин В. Г. Чашечные камни на территории Ленинградской области // Культовые камни Восточной Европы: Беларусь, Латвия, Литва, Россия. СПб.: Гуманитарная Академия, 2018. С. 243–280.
- Рыбаков Б. А. Сампо и сейды // Новое в археологии СССР и Финляндии: доклады Третьего советско-финляндского симпозиума по вопросам археологии, 11–15 мая 1981 г. / под ред. акад. Б. А. Рыбакова. Л.: Наука, 1984. С. 74–78.
- Сакса А. И. Древняя Карелия в конце I – начале II тысячелетия н. э. СПб.: Нестор–История, 2010.
- Цепитис Я., Якубенока Л. Камни с ямками в Латвии // Культовые камни Восточной Европы: Беларусь, Латвия, Литва, Россия. СПб.: Гуманитарная Академия, 2018. С. 163–193.
- Чернякова И. Карелия на переломе эпох: Очерки социальной и аграрной истории XVII века. Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 1998.
- Ahlqvist A. Kivi keskellä kylää: Aikakirjojen Merjan maan kyläkivet jatkotutkimuksen valossa // Muinaistutkija. 2013. № 4. P. 12–44.
- Bahtiozina M. G., Bulina E. N., Solnyshkina M. I. Semantics of Wainamoinen's Proper Names in Kalevala // Utopía y Praxis Latinoamericana. 2020. Año 25, n° Extra 7. P. 424–430.
- Карабанаў А. К. і інш. Культавыя і гістарычныя валуны Беларусі. Мінск: Беларуская Навука, 2022.
- Lonnrot E., Magoun, Fp. The Kalevala: Or, Poems of the Kaleva District. Harvard: Harvard University Press, 1963.
- Solantie R. Ilmasto ja sen määräämät luonnonolot Suomen asutuksen ja maatalouden historiassa [The role of the climate and related nature conditions in the history of the Finnish settlement and agriculture]. Jyväskylä: Jyväskylä studies in humanities, 2012.
- Tvauri A. Cup-Marked Stones in Estonia // Folklore: Electronic Journal of Folklore. 1999. Vol. 11. P. 113–169.
- Uino P. Ancient Karelia. Archaeological studies (Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja 104). Helsinki: Gummerus Kirjapaino Oy, 1997.

References

- Ahlqvist, A. 2013. Kivi keskellä kylää: Aikakirjojen Merjan maan kyläkivet jatkotutkimuksen valossa [A stone in the middle of a village: The village stones of Merjan land in the annals in the light of further research]. *Muinaistutkija* [Antiquarian] 4: 12–44.
- Bahtiozina, M. G., E. N. Bulina, and M. I. Solnyshkina. 2020. Semantics of Wainamoinen's Proper Names in Kalevala. In *Utopía y Praxis Latinoamericana*. 2020. Año 25, n° Extra 7 [Utopia and Latin American Praxis. 2020. Year 25, No. Extra 7], 424–430.
- Chernyakova, I. 1998. *Kareliya na perelome epoch: Ocherki sotsial'noi i agrarnoi istorii XVII veka* [Karelia at the Turn of the Epoch: Essays on the Social and Agrarian History of the 17th Century]. Petrozavodsk: Izdatel'stvo Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta.
- Kiuru, E. S. 1985. Retsenziya na: «Kalevala». Leningrad: Lenizdat, 1984 [Review of: «Kalevala». Leningrad: Leningrad Publishing House, 1984], ed. by S. Ya. Serov. *Sovetskaya etnografiya* 3: 147–152.
- Kon'kova, O. 2009. *Skazki i predaniya vodskogo Naroda* [Tales and Legends of the Votian People]. Saint Petersburg: MAE RAN.

- Lonnrot, E., and Fp. Magoun. 1963. *The Kalevala: Or, Poems of the Kaleva District*. Harvard: Harvard University Press.
- Mizin, V. G. 2018. Chashechnye kamni na territorii Leningradskoi oblasti [Cup-marked stones in the Leningrad Region]. In *Kul'tovye kamni Vostochnoi Evropy: Belarus', Latviya, Litva, Rossiya* [Cult Stones of Eastern Europe: Belarus, Latvia, Lithuania, Russia], 243–280. Saint Petersburg: Gumanitarnaya Akademiya.
- Mizin, V. G. 2019. Nakhodki chashechnykh kamnei na severo-zapade Izhorskoi vozvyshennosti v aprele–mae 2019 g. [Discoveries of Cup-marked stones in the Northwest of the Izhora Upland in April–May 2019]. *Byulleten' Instituta istorii material'nnoi kul'tury Rossiiskoi akademii nauk 9 (okhrannaya arkheologiya)* [Bulletin of the Institute of the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, No. 9 (Security Archaeology)]: 41–49. Saint Petersburg: Izdatel'stvo OOO «Nevskaya knizhnaya tipografiya». <https://doi.org/10.31600/978-5-907298-00-2-2019-9-41-49>
- Mizin, V. G. 2021. Novye svedeniya o chashechnykh kamnyakh v Leningradskoi oblasti na 2021 g. [New Information on Cup-marked stones in the Leningrad Region in 2021]. *Byulleten' Instituta istorii material'nnoi kul'tury Rossiiskoi akademii nauk 11 (okhrannaya arkheologiya)* [Bulletin of the Institute of the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, No. 11 (Security Archaeology)]: 15–22. Saint Petersburg: Izdatel'stvo OOO «Nevskaya tipografiya». <https://doi.org/10.31600/978-5-907298-31-6-2021-15-22>
- Rybakov, B. A. 1984. Sampo i seidy [Sampo and Seids]. In *Novoe v arkheologii SSSR i Finlyandii: doklady Tret'ego sovetsko-finlyandskogo simpoziuma po voprosam arkheologii*, 11–15 maya 1981 g. [New Developments in the Archaeology of the USSR and Finland: Papers of the Third Soviet-Finnish Symposium on Archaeology, May 11–15, 1981], ed. by B. A. Rybakova, 74–78. Leningrad: Nauka.
- Saksa, A. I. 2010. *Drevnyaya Kareliya v kontse I – nachale II tysyacheletiya nashei ery* [Ancient Karelia at the Late 1st – Early 2nd millennium AD]. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya.
- Solantie, R. 2012. *Ilmasto ja sen määräätä luonnonolot Suomen asutuksen ja maatalouden historiassa* [The role of the climate and related nature conditions in the history of the Finnish settlement and agriculture]. Jyväskylä: Jyväskylä studies in humanities.
- Tsepitis, Ya., and L. Yakubonoka. 2018. Kamni s yamkami v Latvii [Pitted stones in Latvia]. In *Kul'tovye kamni Vostochnoi Evropy: Belarus', Latviya, Litva, Rossiya* [Cult stones of Eastern Europe: Belarus, Latvia, Lithuania, Russia], 163–193. Saint Petersburg: Gumanitarnaya Akademiya.
- Tvauri, A. 1999. Cup-Marked Stones in Estonia. *Folklore: Electronic Journal of Folklore* 11: 113–169.
- Uino, P. 1997. Ancient Karelia. Archaeological studies. *Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja* 104 [Journal of the Finnish Antiquities Society]. Helsinki: Gummerus Kirjapaino Oy.
- Vaitkyavichyus, V. 2018. Kamni s yamkami v Litve. Itogi issledovanii 1972–2016 gg. [Pitted Stones in Lithuania: Research Results from 1972–2016]. In *Kul'tovye kamni Vostochnoi Evropy: Belarus', Latviya, Litva, Rossiya* [Cult Stones of Eastern Europe: Belarus, Latvia, Lithuania, Russia], 194–213. Saint Petersburg: Gumanitarnaya Akademiya.
- Zhukov, A. Yu. 2011. Sistema rasseleniya i administrativno-territorial'nogo deleniya Priladozhskoi Karelii (XII–XVIII veka) [The Settlement System and Administrative-Territorial Division of Ladoga Karelia (12th–18th Centuries)]. *Trudy Karel'skogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk* 6: 72–79.
- Карабанаў, А. К., et al. 2022. *Культавыя і гістарычныя валуны Беларусі* [Cult and historical boulders of Belarus]. Мінск: Беларуская Навука.

CUP-MARKED STONES: EXPERIMENT, RECONSTRUCTION OF RITUAL, MYTHOLOGICAL IMAGE

Annotation. The article covers complex issues connected with cup-marked stones in the Eastern Baltic region. The analysis provides a number of objective criteria necessary to define the purpose of cup marks. The article describes the author's experimental reconstruction of cup mark making. The results of the experiment lay the foundation for a new understanding of cup-marked stone purpose, their meaning and possible connection with the Finnish mythology and magic mindset of the people who inhabited Fennoscandia in the Iron Age.

Keywords: cup-marked stones, mythology, Iron Age agriculture, Sampo, Kalevala.

Authors Info: Mizin, Vyacheslav G. – independent researcher (Saint Petersburg, Russian Federation), E-mail: vyacheslavmizinspb@gmail.com

For citation: Mizin, V. G. 2025. Cup-marked stones: Experiment, Reconstruction of Ritual, Mythological Image. *Traditsii i sovremennost* (Traditsii i sovremennost) 42: 79–98